

— Заберёшь остаток за этот месяц и уйдёшь сам или хочешь, чтобы тебя вышвырнули?

— ...

— Так что решил?

Оправдания закончились, защищаться было нечем. Если бы дело можно было решить миром, мы бы сейчас здесь не стояли. Решение принято, и я ничего не мог изменить.

Я не из тех, кто тратит эмоции впустую. В приюте первым делом учишься сдаваться. Если бы всё, чего я хотел, плыло мне в руки, я бы там не оказался.

Я сообразил быстро.

— Я уйду.

Низко поклонился и выпрямился. Менеджер похлопал меня по плечу.

— Ты хорошо поработал.

— Да.

Из кабинета я вышел как в тумане. Всё казалось дурным сном. Так бывает, когда валишься с ног от усталости, и всю ночь снится, будто за тобой кто-то гонится.

Я замер, глядя на закрытую дверь, а мимо проходили сотрудники, бросая на меня косые взгляды. Пришлось идти в раздевалку.

Я не стал спорить, но на душе было паршиво. Работа — странная штука. Обвиняй меня менеджер в чём-то одном, он бы, может, и выслушал. Но на мне висели сразу две вины, и ни от одной не отмыться.

В раздевалке оказался Чжэмин. Он переодевался и коротко кивнул мне.

— О, уходишь уже?

— Меня уволили.

— Что?! — вскрикнул он. Я подошёл к нему вплотную.

— Хён.

— Тебя реально выставили?

— Хён, ты тоже думаешь, что я украл эти серьги? И что это за слухи про директора Со? Ты ведь всё знал, да?

Чжэмин, только что изображавший шок, тут же прикусил язык. Значит, он был в курсе. И про серьги, и про директора.

Жутко осознавать, что за твоей спиной ползут сплетни. Словно в яму провалился. Я ведь всё это время здоровался с ними, улыбался, болтал... А они за глаза перемывали мне кости.

Я зажмурился и с силой приложился лбом о металлический шкафчик. Гулкий «бум» эхом

отозвался в голове. Вот теперь я по-настоящему почувствовал, что всё кончено.

Пришлось стиснуть зубы, чтобы не разреветься. Утешать меня некому. Слезы только сделают меня жалким и уродливым.

Чжэмин виновато отвёл глаза. От этого предательство ощущалось ещё острее.

— Я-то не думаю, что это ты.

— Не думаешь? — язвительно переспросил я.

— Ну, серьги эти... Эх. Ты ведь в акции не вкладываешься, на вклады всё копишь, с чего бы тебе воровать? Я пытался замолвить за тебя словечко перед менеджером, но, видимо, без толку.

Он выглядел искренне расстроенным. Злость на него сразу улетучилась.

Чжэмин тяжело вздохнул и, поглядывая на меня, добавил про Джинхёка:

— А слухи... понимаешь, директор Со никого из наших раньше не выделял. Вот ты и примелькался.

— Мы не встречаемся.

— Я так и сказал, что не знаю, — уклончиво ответил он.

После этих слов руки опустились.

Чжэмин виновато улыбался, а я едва стоял на ногах, вцепившись в дверцу шкафчика. Накатило такое одиночество, какого давно не чувствовал. Будто я — камень, который выковыряли из насиженного места и бросили на дорогу.

— Кто нас видел?

— ...

— Хён, ты ведь знаешь. Кто это был? И зачем врать? Даже если бы мы встречались, здесь полклуба так живёт. Никого за это сразу к менеджеру не тащат.

Чжэмин долго мялся, прежде чем выдать:

— Тебя уволили не из-за спонсорства. Если не палиться, за это не гонят. Хотя менеджер всё равно про всех всё знает, ему докладывают. Спонсорство — это просто удобный повод, когда надо кого-то убрать. Но вот история с серьгами... про неё узнали все.

— ...

— Менеджер не мог это замять. Я верю, что ты не вор, но доказательств-то нет. Сам понимаешь.

Крыть было нечем. Обижаться больше не на кого.

Видя, что я молчу, Чжэмин решил меня «утешить»:

— А если ты попросишь директора Со? Может, он поможет?

— Да не встречаюсь я с ним!

Я истерически усмехнулся. До чего же упёртые люди. Никто не верит.

Впрочем, когда он позвал меня лично, я и сам гадал: роман это или спонсорство. Так что винить их не за что.

— Серьёзно? А зачем тогда виделись?

— Долгая история. Ничего особенного, мы даже не созваниваемся. Короче, я в полной заднице. Все деньги на вкладах, на жизнь почти ничего не осталось...

— И что теперь делать будешь?

— Не знаю. Может, вернусь в семейный ресторан. Пахать там надо как проклятый, зато говорили, что через три года можно в менеджеры выбиться.

Я зачесал волосы назад, перехватил у Чжэмина бутылку соджу, отхлебнул и коротко поклонился.

— Работай давай.

— Звони, если что. На выходных накормлю тебя.

— Врёшь ведь.

— У меня выходной в следующий вторник. Не позвонишь — пришибу. Понял?

Он шутливо ткнул меня кулаком в плечо. Я вымученно улыбнулся, сгрёб вещи и покинул «Нант». После разговора с Чжэмином стало капельку легче.

Моего обычного приятеля, Син Джонщика, нигде не было видно — видать, уже свалил домой. Я скинул ему сообщение: «Меня уволили», — и поплёлся восвояси.

Про семейный ресторан я сказал для красного словца. На самом деле я понятия не имел, куда податься. Работа там была каторжной, а платили сущие копейки.

«Если вдруг уволитесь — звоните. Я помогу в любое время».

Слова Джинхёка всплыли в памяти, но я тут же их отогнал. Моё решение было окончательным ещё тогда, когда я порвал его визитку.

Стоит мне набрать его номер, и я превращусь в попрошайку, который готов на всё ради одной ночи с ним. У меня нет родителей, я нищий, но гордость-то осталась.

По пути домой зашёл в круглосуточный за упаковкой соджу. Шёл по ночным улицам, освещённым тусклыми фонарями, и тянул спиртное через трубочку. Сегодня нужно было опьянеть, чтобы просто уснуть.

Утром желудок скрутило. После выпивки всегда так.

Кое-как впихнул в себя порцию рамёна и залез в объявления. Решено: с ночными сменами

покончено. Пора искать нормальную работу при свете дня и думать о будущем.

Может, на завод пойти?

Я листал вакансии, пытаюсь понять, как жить дальше. Все мои знакомые крутились в той же каше, что и я. Никто не знал другого пути.

А ведь в детстве я хотел стать учителем. Просто так, без причины. Тогда я знал всего три профессии: монахиня, священник и учитель.

Священники и монахини служат Богу, а веры во мне не было ни на грош. Оставались учителя. К тому же один парень из нашего приюта выучился на учителя начальных классов и однажды пришёл к настоятельнице с коробкой напитков в подарок. Наверное, тогда я и загорелся.

Но учёба давалась мне с трудом. В приюте «Каритас» был строгий распорядок, время для занятий выделяли, но по сути это было просто время, когда мы сидели за книгами без надзора.

Если верить смутным воспоминаниям и словам сестры Габриэллы, я даже читать научился позже всех. Из всей средней школы ярче всего помню контрольную по математике в первом полугодии девятого класса. Тройка, выведенная красным карандашом. Точнее, тридцать баллов из ста.

Помню ту шершавую серую бумагу. Мне было так стыдно, что я спрятал лист подальше. Остальные оценки были такими же серыми. Хотя в начальной школе я вроде даже входил в число середнячков, а потом как-то всё покатило под откос.

Монахини старались нас контролировать, но детей было слишком много, а условий для нормальной учёбы — слишком мало.

В обычных семьях детей водят к репетиторам, если они не справляются. А мы даже на сладости лишний раз не могли рассчитывать. К нам приходили волонтеры — старшекласники или студенты, но толку от них было мало. Мы жили без мечты, просто плыли по течению.

Интерес к учёбе пропал, а вместе с ним и мечта об учительстве. Я вспомнил об этом только сейчас, когда меня вышвырнули из «Нант».

— Ты чего не на работе?

Вечером вернулся Мун Сынвон и, увидев меня дома, искренне удивился.

— Меня уволили.

— За что?

— Сказали, что я вор.

— Серьёзно?

— Если бы это было правдой, я бы уже переехал. Говорят, я украл шмоток на десять миллионов.

Сынвон усмехнулся на мой резкий тон.

— Ну да, куда тебе. Кишка тонка.

Я сидел за столом и смотрел, как Сынвон стягивает одежду, собираясь в душ. Вдруг я спросил:

— Может, мне тоже в автосервис податься?

— Не смейся. Ты же в технике полный ноль.

И то верно. В машинах надо соображать, а не просто гайки крутить. Сынвон уже зашёл в ванную, но высунул голову обратно:

— Деньги вернуть требуют?

Я не сразу понял, что он про те украденные вещи.

— Нет.

— Ну и хрен с ними тогда.

Он скрылся за дверью, и тут же зашумела вода.

Я снова уткнулся в объявления. Грустить времени не было. Как вчера я залпом выпил соджу, так сегодня должен был забыть о неудаче и найти работу.

На глаза попала вакансия: помощник в банкетном зале отеля. В старших классах я уже подрабатывал так по выходным. Работа тяжёлая, но платили там лучше, чем в других местах. Решил: поднакоплю там немного, а потом поищу что-то посерьёзнее.

Полез в обувной шкаф, перерыл всё и нашёл пыльные чёрные туфли. Точно, я забрал их с собой, когда переезжал. Убедившись, что они в порядке, я отправил заявку.

Насколько я помнил, свадьбы в отеле — это настоящий ад. Сбегали и девчонки, и парни. Я настроился на худшее и поехал в отель.

На месте нас уже ждал сотрудник с папкой в руках. Вид у него был заезженный. Увидев меня, он махнул рукой:

— На подработку?

— Да.

— Имя?

— Чхве Асель.

Он мельком глянул на меня и снова уткнулся в бумаги.

— Работал раньше на свадьбах?

— Да.

— Тогда будет проще.

Он лениво кивнул и повёл меня за собой:

— Пошли.

Нас переодели в униформу и собрали в зале для инструктажа. Там уже сидели несколько человек.

Кто-то пришёл один, кто-то парами. Я размял шею и плечи, готовясь к долгому дню. Рядом сидела девушка, она явно нервничала — видать, пришла одна.

Наши взгляды встретились, и я почувствовал её приветливые феромоны. Омега. Я инстинктивно выпустил в ответ волну дружелюбия. Она заметно расслабилась и придвинулась чуть ближе, но не навязчиво.

— Вы раньше работали на свадьбах?

— Да, но не в этом отеле.

— Очень тяжело?

Я не хотел её пугать, но и врать не стоило. Выбрал золотую середину:

— Придётся попотеть.

— Ой, мамочки...

Она вздыхала и сокрушалась, но оказалась очень общительной. Пока не пришёл куратор, она без умолку болтала. Наконец, спохватившись, представилась:

— Кстати, меня Чон Хесон зовут.

— А я — Чхве Асель.

Хесон с любопытством уставилась на меня:

— У тебя семья верующая?

— Да нет. Просто один знакомый пастор имя дал.

Она не стала лезть в душу, только восхищённо протянула:

— Ого.

Почти все так реагировали. Моё имя всегда вызывало вопросы.

Его придумала не монахиня, а пастор Ли, который дружил с нашей настоятельницей. Хоть они и были разной веры, часто пересекались на волонёрских проектах.

Когда меня, совсем крошечного, подбросили в приют, пастор Ли сказал, что моё рождение — это радость, и предложил назвать меня Аселем. Так и записали.

Позже он, правда, жалел об этом. Понимал, что такое необычное, библейское имя может стать обузой для сироты.

Он говорил, что я могу сменить имя, когда вырасту, но мне нравился смысл. Пусть я и не был религиозен, само имя давало мне чувство, что в этом мире мне всё-таки рады.

Хесон выложила о себе всё: мы были ровесниками, она училась на дизайнера в местном

колледже. Сказала, что деньги кончились, вот и прибежала подработать. Я поспешил добавить, что у меня та же история.

Мы быстро сошлись, и я успел дать ей пару советов до начала смены: про то, что здесь подают сеты, про тяжеленные подносы и прочее.

В итоге всё оказалось даже тяжелее, чем я помнил. Мы таскали столы, отчего руки просто отваливались, а подносы были такими тяжёлыми, что запястья ныли, но больше всего я боялся задеть кого-нибудь из гостей.

На этом фоне мытьё посуды казалось отдыхом. Хорошо хоть Хесон была рядом — с ней время летело быстрее.

— Здорово, что я с тобой познакомилась. А то все пришли своими компаниями, я бы тут с ума сошла от одиночества, — Хесон с облегчением выдохнула, натирая тарелки.

— Это точно. В этот раз много «своих».

Это было даже к лучшему — меньше шансов, что кто-то сбежит в разгар работы. На таких подработках люди часто исчезали в середине смены, и тогда остальным приходилось вкалывать за двоих.

В конце смены я отдал Хесон пластырь — она мучилась от тесной обуви. Мы сидели в раздевалке, и она тёрла натруженные стопы. Видимо, даже пластырь не спасал.

— Завтра выйдешь? На эти выходные полная запись.

Я прикинул график и кивнул:

— Думаю, я тут на месяц задержусь, а то и дольше.

— Ого, ну ты кремень.

Хесон ещё немного поворчала, мы обменялись номерами и попрощались.

<http://bllate.org/book/17249/1613945>